

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ В РОССИИ: К ВОПРОСУ О МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ*

В статье рассматриваются концептуальные подходы, практические меры, слабые стороны и положительные новации в сфере реализации государственной миграционной политики и государственной национальной политики РФ в отношении адаптации и интеграции мигрантов. Изучен характер взаимодействия мигрантов и принимающего российского общества и его влияние на адаптационные и интеграционные процессы. Проанализировано восприятие культурных отличий в молодежной среде (по результатам исследования в школах и вузах г. Москвы). Делается вывод, что большинство россиян не настроено на активное взаимодействие с инокультурными мигрантами, что является препятствием для успешной интеграции мигрантов. Потенциал для успешных интеграционных процессов наблюдается в образовательной среде.

Несмотря на то, что в нашей стране на сегодняшний день отсутствуют полноценные условия для успешной интеграции мигрантов, в последние несколько лет происходят положительные изменения. Если раньше государственные институты выполняли функции преимущественно по социальной адаптации мигрантов (административно-правовой аспект), то в настоящее время со стороны органов власти увеличивается поддержка некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность по адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество; поддерживаются и распространяются лучшие практики общественного сектора, который всегда понимал важность осуществления проектов, нацеленных на тесное взаимодействие мигрантов и местного сообщества.

Ключевые слова: государственная миграционная политика, государственная национальная политика, адаптация и интеграция мигрантов, межкультурное взаимодействие, стереотипы, восприятие культурных отличий в молодежной среде

С 2012 г. адаптация и интеграция мигрантов в нашей стране на декларативном уровне становится одним из приоритетных направлений как государственной ми-

Кульбачевская Ольга Вячеславовна – научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (119334 Москва, Ленинский проспект, 32а). Эл. почта: ola_kul@mail.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

грационной, так и государственной национальной политики РФ. В то время были приняты такие основополагающие документы в области управления миграцией и межнациональными отношениями как Концепция миграционной политики Российской Федерации до 2025 года и Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года.

Одним из важных условий формирования и реализации государственной миграционной политики России (далее – ГМП), согласно действовавшей до конца октября 2019 года Концепции государственной миграционной политики, было создание условий для адаптации и интеграции мигрантов, а одной из главных задач – содействие адаптации и интеграции, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом. Эта Концепция предписывала «создание инфраструктуры, обеспечивающей содействие адаптации и интеграции, включая центры информационной и правовой поддержки мигрантов, курсы изучения языка, истории и культуры Российской Федерации, а также создание специализированного канала и циклов телепередач, ориентированных на социокультурную и языковую адаптацию мигрантов». Причем создание инфраструктуры, включающей центры информационной и правовой поддержки мигрантов, курсы изучения языка, истории и культуры Российской Федерации, а также создание специализированного канала и циклов телепередач, ориентированных на социокультурную и языковую адаптацию мигрантов, планировалось, согласно Концепции, на первом этапе реализации государственной миграционной политики РФ (2012–2015 гг.): На этом же этапе планировалось создание инфраструктуры для проживания трудовых мигрантов. Однако в Плане мероприятий по ее реализации в 2012–2015 годах (первый этап) мероприятия по созданию инфраструктуры, обеспечивающей содействие адаптации и интеграции, отсутствуют, также нет речи о создании центров для мигрантов. В План основных мероприятий по реализации ГМП на втором этапе (2016–2020 годы) в первую очередь были включены мероприятия по нормативно-правовому обеспечению в сфере статусов мигрантов и регулирования миграции, а также мероприятия, направленные на международное сотрудничество в сфере трудовой деятельности. Мероприятий по адаптации и интеграции мигрантов в этом Плане также не было.

Адаптация и интеграция мигрантов предусматривается также Стратегией государственной национальной политики РФ (далее – ГНП) на период до 2025 года. В Плане мероприятий по реализации ГНП есть подпрограмма «Создание условий для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов». В рамках этой подпрограммы ставка делается на некоммерческие организации, национально-культурные автономии, религиозные организации и молодежные объединения, реализующие проекты в области адаптации и интеграции мигрантов (путем законодательного закрепления в категории «социально ориентированные» проектов НКО по адаптации и интеграции; финансовая поддержка таких проектов). К сожалению, в настоящее время прописанное в Стратегии ГНП государственно-общественное партнерство в области адаптации и интеграции мигрантов не является равноправным и скоординированным, в первую очередь, на федеральном уровне (подробнее см.: *Тишков и др.* 2019). Что касается уровня регионального, то здесь ситуация может быть еще хуже, т.к. следование основным целям и задачам государственной миграционной и национальной политики носит для субъектов РФ рекомендательный характер. Кроме того, результаты экспертизы региональных госпрограмм, которую провел Институт этнологии и антропологии РАН

совместно с Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в 2016 г., показали, что субъекты РФ при реализации национальной политики на местах уделяют очень мало внимания теме миграции. С другой стороны, именно в регионах встречаются эффективные практики по адаптации и интеграции мигрантов, реализуемые общественными организациями или муниципальными структурами (см., например: *Якимов, Панич* 2018).

В октябре 2018 г. была утверждена новая Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. Эта концепция, пришедшая на смену Концепции государственной миграционной политики 2012 г., была принята «в связи с необходимостью актуализации целей, задач и основных направлений деятельности Российской Федерации в сфере миграции» (цит. по: Указ Президента РФ № 622). В новом документе отмечается, что «в 2012–2017 гг. миграционный приток в Российскую Федерацию компенсировал естественную убыль населения и стал источником дополнительных трудовых ресурсов для национальной экономики» (цит. по: Там же). То есть говорится о безусловной в данном случае пользе массового притока мигрантов. В этой связи логичным должно стать пристальное внимание к вопросам комфортного и бесконфликтного существования старожильского и «нового» населения в различных российских регионах, а, значит, необходима актуализация задач по социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов. Согласно новой Концепции миграционной политики на 2019–2025 гг. условия для адаптации мигрантов будут создаваться за счет формирования институтов и механизмов социальной и культурной адаптации, принятию мер, препятствующих пространственной сегрегации мигрантов, и обеспечения иностранным гражданам равных возможностей для получения государственных услуг в сфере миграции. Одной из основных целей миграционной политики на современном этапе является, в числе прочего, поддержание межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, защита и сохранение «русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода» (цит. по: Там же). В концепции говорится об открытости России для иностранных граждан, которые уважают многообразие региональных и этнокультурных укладов жизни российского населения. В отношении социально-культурной адаптации мигрантов указывается, что с 2012 г. «разработаны и проходят проверку на практике подходы к социальной и культурной адаптации различных категорий иностранных граждан, в том числе в рамках соответствующих программ и в формате государственно-общественного партнерства, с участием общественных и образовательных организаций, учреждений культуры и спорта» (цит. по: Там же).

Отметим, что в новой миграционной концепции, в отличие от предыдущей, термин «интеграция» отсутствует. Если учесть, что в нашей стране до сих пор не существует однозначных дефиниций и четкого разграничения понятий «адаптация» и «интеграция», и при этом зачастую под ними подразумевается один и тот же сценарий для мигрантов – знание и принятие ими новых социально-культурных условий и норм жизни, можно выдвинуть предположение, что термин «интеграция» исключен из новой концепции за ненадобностью. Получается, что интеграция мигрантов теперь уже не является целью и задачей миграционной политики?

Несмотря на то, что в России в последние годы есть подвижки в области социокультурной адаптации мигрантов (оказание ряда госуслуг административного,

правового и социального характера для мигрантов; в небольшом объеме существуют центры по языковой и социокультурной адаптации на базе средних и высших образовательных учреждений, а также библиотек (в основном, это курсы по изучению русского языка); услуги неправительственных центров и организаций по адаптации и интеграции мигрантов, спектр которых гораздо шире по сравнению с государственными), тем не менее, инфраструктура, охватывающая всю страну и созданная на государственной основе с применением единых стандартов обучающих, информационных и социокультурных программ для мигрантов, до сих пор отсутствует. К настоящему моменту мы так и не наблюдаем ни специализированного канала и циклов телепередач, ориентированных на социокультурную и языковую адаптацию мигрантов, ни инфраструктуры для проживания трудовых мигрантов. К настоящему времени решением вопросов по социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в основном занимался общественный сектор, располагающий опытом и хорошими методиками, но не имеющий административных и финансовых ресурсов, вследствие чего институты гражданского общества не могли оказывать услуги мигрантам в необходимом количестве и масштабе. Неудивительно, что новая концепция ГМП вновь вынуждена обратиться к вопросу формирования институтов и механизмов адаптации мигрантов. Как и следовало ожидать, в этом деле предусматривается координация деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в сфере миграции. В процесс координации не включены институты гражданского общества, однако от них все так же ожидается участие в реализации миграционной политики, но при условии невмешательства в деятельность федеральных органов государственной власти и местного самоуправления. Что имеется в виду под невмешательством, сказать трудно. Означает ли это также невозможность для неправительственного сектора дополнять и влиять (на основании своего практического опыта, экспертной деятельности и информационных возможностей) на принятие государственных решений в сфере адаптации мигрантов?

Адаптировать собираются тех мигрантов, кто испытывает «сложности в адаптации, обусловленные особенностями их культуры и привычного жизненного уклада, а также иными факторами». Согласно концепции ГМП, мигранты должны адаптироваться к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации. Если сюда добавить одну из определяющих целей миграционной политики – защиту и сохранение русской культуры и историко-культурного наследия народов России, а также требование к мигрантам уважать региональные и этнокультурные уклады жизни российского населения, становится очевидным, что мигранты в нашей стране должны быть только адаптированы к местным условиям, а интеграции и удовлетворению собственных культурных запросов и нужд мигрантов почти не уделяется внимание. Хотелось бы подчеркнуть, что в адаптации в нашей стране в первую очередь нуждаются мигранты, приезжающие из сельской местности в большие города, то есть это преимущественно социальная адаптация к урбанистическому пространству, а не проблемы этнокультурного характера (но также важна языковая адаптация, поскольку, чем больше проходит времени с момента распада СССР, тем больше мигрантов, не знающих или плохо знающих русский язык, приезжают к нам из бывших союзных республик). Кроме того, элементы культур тех мигрантов, кто относится к представителям народов, входящих в список народов РФ

(народы Средней Азии и Кавказа), не должны отчуждаться в российской среде. И, как нам представляется, не следует вопросы социокультурной адаптации мигрантов соотносить с темой межэтнических и межконфессиональных отношений в общественно-политическом дискурсе, в первую очередь в СМИ, поскольку миграционная тема в этом контексте на фоне бытования негативных стереотипов о мигрантах (об этом подробнее будет сказано ниже) усилит потенциал конфликтогенности в сфере межэтнического взаимодействия. При этом очевидно, что необходима скоординированная государственная система мер по социальной и культурной адаптации мигрантов, направленная на недопущение и противодействие негативным процессам в сфере взаимодействия мигрантов и принимающей стороны и на интеграцию общества на основе общих позитивных ценностей (Дмитриев, Пядухов 2006: 94). Не следует забывать, что мы живем во времена очень интенсивной глобализации, массовых миграционных перемещений, когда многие мигранты пребывают в странах въезда длительное время, и потому интегративные процессы – это почти неизбежность. И эффективность и безболезненность этих процессов в первую очередь зависит от политики государства. На важность темы адаптации и интеграции мигрантов обращают внимание многие исследователи и эксперты (см., например: Арутюнян 2005: 26–40; Мукомель 2005: 238). Какие меры в этом отношении предпринимает государство на современном этапе?

22 февраля 2019 г. распоряжением Правительства РФ № 265-р был утвержден план мероприятий по реализации в 2019–2021 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. План содержит раздел II «Создание условий для адаптации иностранных граждан к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации». Два из семи основных мероприятий этого раздела посвящены освоению мигрантами русского языка, знаний по истории и основам законодательства и их популяризации (основные исполнители – Минпросвещения России, Минобрнауки России, МИД России и Минкультуры России). Отдельным направлением выделены практические меры, направленные на административно-правовую легализацию мигрантов – совершенствование законодательства в части урегулирования правового статуса лиц без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации без документов, удостоверяющих личность (исполнители – МВД России, Минфин России, ФСБ России). Еще одно тематическое направление – это мероприятия по предотвращению конфликтов на межнациональной и межконфессиональной почве между местным населением и мигрантами – мониторинг и анализ конфликтных ситуаций с участием иностранных граждан на почве межнациональных или межрелигиозных отношений и подготовка предложений по мерам, направленным на их предупреждение (исполнители – ФАДН России, МВД России, ФСО России). Новым положительным моментом является наличие в списке мероприятий следующего характера – организация регулярных встреч с представителями общественных и религиозных организаций в целях выработки алгоритма реагирования и взаимодействия при проведении проверок по обращениям, связанным с нарушением прав мигрантов. Непосредственные задачи в области социокультурной адаптации и интеграции (заметим, что в плане появляется термин «интеграция») возложены на Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН России), которое отвечает за проведение анализа и выработку предложений по созданию комплексной многоуровневой

системы адаптации и интеграции иностранных граждан в РФ с учетом многообразия укладов жизни населения РФ и обеспечения соблюдения национальных интересов России. Также на ФАДН возложены задачи по проведению мероприятий по социальной и культурной адаптации мигрантов «в целях обеспечения на территории Российской Федерации межнационального и межрелигиозного мира и согласия» (цит. по: Распоряжение Правительства РФ № 265-р) (как видим, в данном случае мигранты увязываются с рисками межэтнических и межконфессиональных конфликтов, в то время как логичнее было бы обосновать необходимость адаптации и интеграции учетом права каждого жителя РФ, временного или постоянного, на социальное и культурное благополучие).

ФАДН России, согласно Указу Президента Российской Федерации от 24.08.2017 № 399 «О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2015 г. № 168 «О Федеральном агентстве по делам национальностей»» наделен полномочиями по выработке государственной национальной политики и социокультурной адаптации мигрантов. В соответствии с указом, он должен заниматься выработкой и реализацией политики в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан, а также нормативно-правовым регулированием и оказанием государственных услуг в сфере национальной политики, социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан. Во исполнение поручения Президента РФ от 4 декабря 2016 г. № Пр-2338 (п. 2б) ФАДН был подготовлен проект Федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». До настоящего времени проект закона не внесен в Государственную Думу России. На наш взгляд, принятие такого закона было бы полезно и своевременно, это дало бы возможность законодательного разграничения полномочий и обеспечение координации действий органов государственной власти и органов местного самоуправления в отношении политики социокультурной адаптации мигрантов. Кроме того, как уже отмечалось, в нашей стране до сих пор не существует четкого определения и разграничения понятий «адаптация» и «интеграция» в отношении мигрантов. Принятие закона о социокультурной адаптации мигрантов разграничило бы эти понятия, что позволило бы избежать различных трактовок федеральными и региональными ведомствами и структурами, а, значит, исключило бы возможность искаженного толкования поставленных задач в рамках государственной миграционной и национальной политики.

Проект закона содержит определение понятий «социальная и культурная адаптация иностранных граждан» и «социальная и культурная интеграция иностранных граждан». Первое определяется как «процесс освоения иностранными гражданами, временно пребывающими на территории Российской Федерации с целью осуществления временной трудовой деятельности, и членами их семей русского языка, социальных и культурных, правовых и экономических норм российского общества». Интеграция иностранных граждан определяется как «процесс освоения иностранными гражданами, временно или постоянно проживающими на территории Российской Федерации, русского языка, социальных, культурных, правовых, экономических норм российского общества на уровне, необходимом для временного или постоянного проживания в Российской Федерации, формирования устойчивых правовых, экономических, социальных и культурных связей между иностранными гражданами и российским обще-

ством» (цит по: Проект Федерального Закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации»).

В научном сообществе адаптация и интеграция трактуются более широко и многогранно. Понятийный аппарат в отношении адаптации и интеграции, как справедливо отмечает Е.А. Омельченко, складывался в ходе разработки многочисленных концепций, при использовании разных подходов, поскольку эти процессы являются предметом изучения в рамках и на стыке значительного круга научных дисциплин (этнологии, социологии, демографии, политологии, психологии и др.). Поэтому «междисциплинарность используемых подходов предопределяет и сложность унификации понятийного аппарата» (цит по: *Омельченко 2019*). Многозначное и многоплановое содержание процессов адаптации и интеграции определяет тот или иной набор параметров, по которым изучаются эти явления. Адаптация может изучать личностный уровень как с точки зрения психологического состояния личности (ожидания, ценностные ориентации и нормы), так и как процесс приспособления с целью обеспечения социальной жизни (*Берри 2001: 189–193; Рэдклифф-Браун 2001; Проскуракова 2007: 59*).

Адаптация индивидуума или группы может рассматриваться как целостный, системный процесс, включающий социальные, культурные, языковые и экономические составляющие и подразумевающий взаимодействие с новой средой, усвоение ее норм (*Драч, Матяш 2001; Колесникова, Алиханян 2014: 65*).

Некоторыми исследователями применяется понятие «этнокультурная адаптация», при этом под адаптацией понимается не просто усвоение норм, ценностей и традиций принимающего сообщества, но и овладение языком этнического большинства (см. напр.: *Макаров 2010а*). Е.А. Омельченко предлагает избегать термина «этнокультурная адаптация» и заменять его «понятиями «языковая» и «культурная адаптация», поскольку в понятие «этнокультурный» вкладывается, в основном, содержание, имеющее отношение к конкретным этносам, а в случае адаптации мигрантов к российскому обществу ставится задача освоения ими русского языка – государственного языка и языка самого крупного этноса РФ, но культурная адаптация должна происходить с учетом реалий современного многонационального российского государства, а не к русской культуре» (цит. по: *Омельченко 2019*). Здесь следует выразить солидарность с мнением российской исследовательницы и обратить внимание на то, что в научной литературе большинство дефиниций понятия «интеграция» обязательно указывают на необходимое условие для принимающего общества сотрудничать и включать в себя новых в культурном отношении людей, рассматривать их как полноправных членов; интеграция подразумевает объединение культурных составляющих в одно целое без потери культурной идентичности каждой из сторон (*Berry, et al 2002: 306; Сухов 2011: 83; Мартынова 1998: 11–39*). Также исследователи отмечают, что интеграция – это двусторонний процесс, подразумевающий обязательства и ответственность обеих сторон, требующий от мигрантов принятия в качестве приоритетных норм и ценностей нового общества, а от местного сообщества – готовности положительно принимать культурное многообразие (*Мукомель 2013: 695; Дмитриев, Пядухов 2013: 51*). Исходя из того, что в новой концепции миграционной политики отсутствует термин «интеграция», а также принимая во внимание, что в ряде основополагающих документов в сфере миграции и национальной политики и в общественно-политическом дискурсе (включая СМИ) делается акцент на принятие мигрантами норм и образа жизни принимаю-

щего общества (при этом не актуализируется вопрос об ответственности местного населения как равноправного актора интеграционных процессов), можно предположить, что Россия ориентируется на стратегию ассимиляции мигрантов этническим большинством. С другой стороны, возможно, что в госструктурах нет достаточного понимания важности проблемы взаимодействия мигрантов и населения России.

Очевидно, что адаптация и интеграция мигрантов зависит от характера миграционной политики в стране приема, слаженности и скоординированности работы государственных и общественных институтов и, конечно же, от характера отношения к приезжающим местного населения. Эти факторы влияют на то, какую стратегию пребывания в новой для себя инокультурной среде будут выбирать мигранты. (В данной статье не рассматриваются такие факторы влияния, как личностные особенности, цель и длительной пребывания мигранта в стране приема, его дальнейшие миграционные намерения.) С точки зрения бесконфликтного межэтнического сосуществования наиболее предпочтительной и эффективной является интеграция, когда мигранты имеют возможность сохранить приверженность своей культуре и в то же время усвоить инокультурные атрибуты. Как было отмечено выше, интеграция предполагает межкультурный диалог между мигрантами и доминирующим этническим большинством, усвоение вновь прибывшими базовых ценностей, норм, знаний и образцов новой социокультурной среды, и адаптацию со стороны принимающего сообщества социальных институтов к потребностям и запросам новых этнических групп.

Одним из основных препятствий для реализации эффективной политики по адаптации и интеграции мигрантов (которое государство почти не видит и не учитывает) является практически полное отсутствие межкультурного диалога между мигрантами из Средней Азии и Кавказа и местным населением. Несмотря на вполне благополучную ситуацию в сфере взаимоотношений мигрантов и местного населения в Московском регионе, в ходе наших опросов (проводимых Институтом этнологии и антропологии РАН совместно с Сетью этнологического мониторинга) в течение нескольких лет выявляется потенциал активных участников протестных акций в Москве от одной пятой до одной трети опрошенных. Степень заинтересованности местного населения в интеграции мигрантов не очень высокая. Взаимодействие между ними очень поверхностное (на уровне обмена приветствиями с дворниками и общением покупателей с кассирами и продавцами). Значительная часть местных равнодушна к теме интеграции мигрантов, а равнодушные содержат в себе определенную степень латентного неприятия и может быть активизировано при стечении обстоятельств. Здесь также надо иметь в виду фактор фрустрации (Карлов 2017: 5), который может усилить межэтническую напряженность или сработать как детонатор. Причем в периоды экономической, социальной нестабильности этот фактор может проявиться со стороны принимающего населения, особенную актуальность он приобретает в связи с пандемией коронавируса и периодами самоизоляции. Но может он проявиться и со стороны мигрантов, находящихся на неизбежной для процесса адаптации стадии культурного шока. Отметим, что местное население даже не догадывается о такого рода трудностях у мигрантов, и склонно замкнутое, недружелюбное отношение со стороны некоторых мигрантов включать в список негативных стереотипов о них.

Негативные стереотипы и список миграционных рисков формируется в первую очередь через призму культурных отличий. Такой подход применяют СМИ и националистически настроенные люди и организации. Это имеет влияние на обществен-

ное сознание. Поэтому в ходе наших исследований некоторые москвичи высказывались за ограничительные меры именно в этноязыковой и этнокультурной сферах, такие как, например, запрет на общение в рабочее время на негосударственном и нерусском языке, запрет на демонстрацию своих культурных особенностей.

Некоторые исследователи полагают, что историческая память о совместном проживании разных народов и религий на территории одного большого государства (СССР) может способствовать успешному протеканию адаптационных и интеграционных процессов (Дробот 2012: 152–170). Однако автором данной статьи был проведен анализ нескольких тысяч комментариев, оставляемых читателями под статьями на тему миграции в электронных СМИ. Анализ показал, что подавляющее большинство комментариев имеет негативную окраску и враждебный настрой к мигрантам (лишь несколько процентов от общего числа комментаторов выступают в их защиту). С учетом того, что комментарии под такого рода статьями в основном пишут люди с активно недоброжелательным настроением, тем не менее, на их основе можно составить список негативных стереотипов о мигрантах. Одним из наиболее часто повторяющихся оказался стереотип, связанный именно с исторической памятью, но имеющей в данном случае отрицательную коннотацию: представители Средней Азии характеризуются как неблагодарные предатели и обидчики, убивавшие и изгонявшие из своих республик русское население после распада СССР. Таким образом, в данном случае историческая память является препятствием для успешной адаптации и интеграции мигрантов из Средней Азии в России. К другим наиболее часто встречающимся стереотипам о среднеазиатах относятся следующие: «немытые дикари», «необразованные», «грязнули», «ленивые», «неспособные к эволюции», «лживые», «торгаши», «агрессивные», «злые», «коварные», «сила темная». Негативные стереотипы опасны тем, что личностные особенности получают распространение на целые этнические группы и подпитывают этноцентризм и «цивилизационную спесь». Можно сказать, что россияне не настроены на активное взаимодействие с инокультурными мигрантами, здесь имеет место быть скорее игнорирование (для большинства) либо негативное отношение с культурным дистанцированием. Такое взаимодействие можно назвать «пассивным взаимодействием» (поскольку отказ от действия также является действием).

Интересно, что комментарии в защиту мигрантов также выявляют негативные стереотипы, но уже в отношении русских. В ответ на многочисленные обвинения мигрантов из Средней Азии в лени, неряшливости, нецивилизованности, некоторые комментаторы говорят о том, что без мигрантов российские города утонули бы в мусоре, что не мигранты, а русские склонны к лени, отмечают падение уровня культуры в стране.

Очевидно, что более тесное общение происходит в школах и вузах, когда дети-мигранты и местные обучающиеся объединены общими образовательными процессами. Кроме того, молодые люди в большей степени, чем взрослые, открыты ко всему новому. Изменения у детей в свою очередь влияют на родителей. Поэтому образовательные учреждения являются лучшей средой для приобретения навыков межкультурного диалога и интеграции детей-мигрантов в российскую среду. В этой связи с 2017 по 2018 г. Институт этнологии и антропологии РАН совместно с Сетью этнологического мониторинга проводил исследование (серию опросов) в московских школах и вузах, в задачи которого входило выявление запросов на этнокультурное образование, а также характера взаимоотношений в учебных коллективах, где учатся инокультурные учени-

ки и студенты. Опросы проводились путем анкетирования в средних образовательных учреждениях г. Москвы (школах, лицеях, гимназиях), расположенных в районах с различным уровнем инфраструктуры и социальной «статусности», и вузах (гуманитарная и естественнонаучная направленность представлена в равных пропорциях)¹.

В почти равных долях в выборке представлены обучающиеся женского и мужского пола (девочек и девушек немногим больше). Возрастные когорты – менее 18 лет и 18-29 лет – поделились поровну.

Подавляющее большинство опрошенных указали одну национальность, пятая часть школьников и студентов имеет двойную этническую идентичность. К русским отнесли себя около двух третей респондентов, среди других национальностей в выборке наиболее заметны представители народов Кавказа. Десятая часть школьников и студентов имеет два родных языка и еще чуть более одного процента – три родных языка. Среди тех, кто не общается на родном языке (пятая часть от общего числа респондентов), большая часть не делает этого по причине того, что мало либо совсем не знает своего родного языка. В два раза меньше, по сравнению с этой группой, школьников и студентов с нерусским родным языком, испытывающих стеснение при использовании своего языка. Остальные опрошенные – и это подавляющее большинство (80%) – не испытывают никаких проблем при общении на родном языке. С учетом того, что русских в выборке две трети (а не 80%), можно констатировать, что значительное количество обучающихся с нерусским родным языком чувствуют себя свободно при использовании родного языка в московских школах и вузах. Это может говорить о существенном уровне толерантности по отношению к иноязычным соученикам. Здесь также отметим, что у школьников и студентов г. Москвы преобладает гражданская идентичность. Более двух третей опрошенных предпочитают, чтобы окружающие воспринимали их как граждан страны, и, скорее всего, для таких молодых людей национальность не будет иметь большого значения при выстраивании отношений с иноэтничными товарищами по учебе. Этническая и региональная идентичность характерна лишь для десятой части учеников и студентов.

Более половины респондентов относятся нейтрально и треть позитивно к совместному обучению с мигрантами. Отрицательное отношение к присутствию в своих классах и группах мигрантов обозначила небольшая (девятая) часть опрошенных. При этом почти половина школьников и студентов полагает, что мигранты полностью интегрированы в учебные коллективы. Еще четверть сходится во мнении о том, что присутствует значительная или определенная интеграция мигрантов. И только десятая часть говорит о полной изоляции вновь прибывших соучеников.

Все это свидетельствует о, в целом, спокойном климате межнациональных и межкультурных отношений в школах и вузах г. Москвы. Это косвенно подтверждают также данные о том, что подавляющее большинство респондентов (почти 90%) за последний год не испытывали негативного к себе отношения из-за языка, на котором говорят, своей национальности и религии. Сталкивались с негативным отношением чуть более десятой части (половина из них – из-за национальности, другая половина – из-за языка и религии в равных долях), в то время как молодых представителей нерусских национальностей в выборке в четыре раза больше.

¹ Общая выборка составила 600 человек, из них 50% – учащиеся средних образовательных учреждений, 50% – студенты вузов. В опросах приняли участие школьники старших классов и студенты в возрасте от 13 до 29 лет.

Общие итоги исследования показали, что восприятие культурных отличий у московской молодежи в целом характеризуется нейтральностью на фоне довольно слабого интереса к изучению различных национальных культур. Московским школьникам и студентам среди предметов, связанных с национальными культурами, в большей степени при обучении были бы интересны национальная кухня, история и география родного края, история своего народа и народов региона проживания, а также национальная культура и искусство, народное изобразительное творчество, народные ремесла. Однако отметим, что обучающихся, проявляющих интерес к такого рода предметам и желающих их изучать, менее половины опрошенных. В первую очередь такие знания, по мнению школьников и студентов, нужны для сохранения традиций и ощущения принадлежности к своему народу (то есть, в знаниях других культур нет потребности). Изучение других национальных культур (для ознакомления) востребовано только третью обучающихся. Еще около трети школьников и студентов полагает, что знания о различных национальных культурах нужны всем гражданам России. Для пятой части интерес к изучению национальных культур имеет практический характер: по их мнению, знания о культурах необходимо осваивать для получения специальных навыков и умений в случае выбора для себя в будущем определенных профессий (связанных в первую очередь с туристическими услугами и гостиничным хозяйством).

Молодые москвичи при общении в первую очередь обращают внимание на демографические и персональные отличия (возраст, пол, внешность, интеллект, увлечения и интересы вне учебы). Однако для почти половины опрошенных школьников и студентов при выстраивании отношений в учебных коллективах в той или иной мере имеют значение культурные отличия. Пятая часть респондентов частично учитывает их в отношениях с окружающими, вдвое меньше учеников подчеркивают культурные отличия, для десятой части характерно обостренное восприятие инокультурных соучеников. Для школьников и студентов, выделяющих культурные отличия, очень важным является, каких традиций и норм поведения придерживаются члены учебного коллектива; на втором месте стоит язык, на котором разговаривают; на третьем – национальность. На религиозные отличия обращает внимание меньшее количество молодых москвичей (но, как покажет дальнейший анализ, общение с людьми с другой религией является для таких москвичей наименее предпочтительным).

Анализ стереотипных отношений к культурным отличиям показывает, что наибольший интерес у учащихся средних и высших учебных заведений г. Москвы вызывают люди, приехавшие из других мест и отличающиеся своими традициями и нормами поведения. Также значительный интерес вызывают ученики другой национальности. А вот интерес к иноязычным выражен слабее. В отношении людей с религиозными отличиями характерна высокая степень нейтральности («ничего не ощущаю»).

Наиболее часто респонденты выражают желание поддержать соучеников, приехавших из других мест и отличающихся от них по языку. В отношении соучеников с религиозными особенностями опять наблюдается наименьшая готовность поддерживать и высокая степень нейтральности.

В общении с людьми, разговаривающими на других языках и отличающихся традициями и нормами поведения, респонденты видят для себя новые возможности. В меньшей степени, но также значительное число школьников и студентов могут открыть для себя что-то новое при общении с соучениками, приехавшими из рос-

сийских регионов и других стран. Почти не видят для себя новых перспектив при общении с соучениками с религиозными отличиями.

Готовность доверять людям с культурными отличиями среди опрошенных выражена слабо, но, тем не менее, приезжим из других мест и отличающимся по языку школьники и студенты готовы доверять в большей степени.

Несмотря на то, что исследование выявило максимальный интерес со стороны респондентов к тем, кто отличается от них традициями и нормами поведения, в то же время распределение ответов показывает и наибольшее число школьников и студентов, нежелающих общаться с такими людьми и не одобряющих их. Также наблюдается большое число случаев, когда испытывается неодобрение и возникают препятствия для общения с людьми другой национальности и религии. Около пятой части школьников и студентов испытывают тревожность в связи с наличием в учебных коллективах людей с культурными отличиями (в первую очередь это касается соучеников с другими традициями, национальностью и религией).

В целом по результатам исследования можно сказать, что в учебных коллективах московских школ и вузов преобладают нейтральные стереотипные отношения. В целом их придерживаются более половины обучающихся. Состав нейтральных стереотипов выглядит следующим образом: «Особого доверия нет, но и не тревожат» – треть опрошенных; «Не поддерживаю, но и не отрицаю» – четверть опрошенных; «Мне от этого нет ни выгод, ни проблем» – четверть опрошенных; «Особого интереса нет, но общение допускаю» – пятая часть респондентов.

Треть опрошенных придерживается позитивных стереотипов о культурных отличиях. Из них две трети ощущают интерес, четверть хотят поддержать, четверть чувствуют новые возможности при общении с инокультурными, более десятой части готовы им доверять.

Более десятой части школьников и студентов (15%) разделяют негативные стереотипы в межкультурном взаимодействии. Треть из них ощущает тревогу в присутствии инокультурных соучеников, более четверти ощущают препятствия для общения, пятая часть не одобряет культурные отличия и более десятой части не желают общаться с людьми, отличающимися от них по культурным признакам.

В отношении культурных отличительных признаков общие итоги опроса показывают, что наиболее лояльное отношение с вектором в сторону интереса и настроенности на общение характерно в случае с отличием по языку. При этом показатели по признаку национального отличия (непосредственно связанного с национальным языком) выглядят «хуже» с точки зрения настроенности на общение – больше респондентов, относящихся к этому отличию нейтрально и негативно. Это, как представляется, можно объяснить тем, что иноязычные ученики и студенты в ходе учебного процесса довольно редко пользуются национальными языками. В большей степени на отношение респондентов к инокультурным должны оказывать поведенческие, бросающиеся в глаза отличительные признаки (что, по всей видимости, и происходит в случае с отличительными традициями и нормами поведения). Наибольшая степень нейтрального отношения при высокой отметке негативных стереотипов и низкой позитивных отмечается по отношению к членам учебных коллективов с религиозными отличиями.

В ходе исследования ученикам и студентам было предложено пройти рисуночный тест. На картинках с изображением учебных коллективов в различных ситуациях (перемена, экскурсия, отдых) респондентам предлагалось отметить местопо-

ложение соучеников-мигрантов, учеников с религиозными особенностями и другим родным языком. В зависимости от их расположения на картинках по бальной шкале оценивалась степень интегрированности инокультурных молодых людей в учебные коллективы. Результаты тестов показали высокую, по ощущению опрашиваемых, степень интегрированности соучеников с другим родным языком (две трети обозначили полную интеграцию и еще пятая часть определяет иноязычных как значительно интегрированных в свой коллектив либо интегрированных в определенной степени). Полную изоляцию отметила десятая часть опрашиваемых. В отношении учеников с иной религией ощущение полной их интегрированности выражено у респондентов в меньшей степени (половина от общего числа опрошенных обозначила полную интеграцию, пятая часть так же, как и в предыдущем случае, – значительную или определенную интеграцию). И десятая часть опрашиваемых ощущает, что соученики с религиозными особенностями полностью изолированы от коллектива.

Резюмируя, можно сказать, что климат межкультурного взаимодействия в школьной и студенческой среде г. Москвы, в целом, достаточно благоприятный. При преобладании нейтральности в отношениях между учениками разных культур и наличии негативных стереотипов (у более десятой доли учащихся) преимущественным все же является вектор в сторону позитивного взаимодействия. В качестве рекомендации следует обратить внимание государственных институтов на возможность использовать образовательный процесс в качестве одного из инструментов при проведении успешной политики по адаптации и интеграции мигрантов. Необходимо внедрить в школы и вузы единую методику по воспитанию навыков ведения межкультурного диалога. Актуальность этого вопроса подтверждают результаты исследования А.Я. Макарова, изучившего тему адаптации и интеграции путем сравнительного исследования учащихся из числа мигрантов и немигрантов. Он пришел к выводу, что адаптация детей мигрантов в московских школах является процессом стихийным, поскольку целенаправленной программы по адаптации не существует, при этом учителя сталкиваются с трудностями, поскольку не имеют специальных навыков и опыта при работе с иноэтничными мигрантами (Макаров 2010b: 95–101). Некоторые исследователи указывают также на встречающийся перекося в образовательной системе – это ориентация на ассимиляцию детей-мигрантов (Ушакова 2014: 198).

В заключение хочется сказать, что, несмотря на то, что в нашей стране на сегодняшний день отсутствуют полноценные условия для успешной интеграции мигрантов, в последние несколько лет происходят положительные изменения. Если раньше государственные институты выполняли функции преимущественно по социальной адаптации мигрантов (в административно-правовой части), то в 2017 г. ФАДН России утверждает «Методические рекомендации по актуальным вопросам реализации государственной национальной политики, формированию в местном сообществе позитивных межнациональных и этноконфессиональных отношений, а также по выявлению и предупреждению межнациональных конфликтов», в которых прописаны меры в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в российское общество. Во-первых, усиливается работа по обучению русскому языку, истории России и основам законодательства РФ. Со стороны органов власти увеличивается поддержка некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность по адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество. Регионам с большим количеством мигрантов рекомендовано проработать вопрос о целесоо-

бразности создания специальных миграционных центров на базе НКО. И, наконец, рекомендовано поддерживать и распространять лучшие практики, включая разработку и тиражирование специальных изданий, пособий, направленных на работу по социальной и культурной адаптации и интеграции членов семей иностранных граждан в российское общество. НКО всегда понимали важность осуществления проектов, нацеленных на тесное взаимодействие мигрантов и местного сообщества, а, значит, теперь появляется возможность поддержки со стороны государства и более широкого распространения таких проектов, методик, опыта.

В качестве рекомендаций следует добавить также следующее: нужно доносить до россиян информацию о том, что присутствие инокультурных мигрантов (часть которых впоследствии становится гражданами РФ) – объективное, уже существующее явление; рассказывать о трудностях адаптации в чужой стране (в том числе и о неизбежном культурном шоке как одной из стадий адаптационных процессов), об общих ценностях, присущих культурам мигрантов и принимающей стороны; о высоких образцах культур мигрантов; о негативном влиянии враждебного и равнодушного отношения со стороны местного населения на процессы адаптации и интеграции и на общий климат в сфере межэтнических отношений. Для решения этих задач основная роль должна отводиться средств массовой информации (газетам и, особенно, телевидению).

Источники и материалы

- Проект Федерального Закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» (подготовлен ФАДН России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30.05.2017). <https://mgimo.ru/upload/2018/10/FZ-o-adaptacii.pdf>.
- Распоряжение Правительства РФ от 22 февраля 2019 г. № 265-р об утверждении плана реализации первого этапа Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 годы. <http://static.government.ru/media/files/EeWin7FntuWj0nblXpJiiAyYFXtT69XC.pdf>.
- Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986>.

Научная литература

- Арутюнян Ю.В. О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 26–40.
- Берри Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // Развитие личности. 2001. № 3–4. С. 189–192.
- Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Интеграция трудовых мигрантов в мегаполисе: локальные модели, контекст идентичности (методология и методы исследования) // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 51.
- Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Этнические группы трудящихся-мигрантов и принимающее общество: взаимодействие, напряженность, конфликты // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 94.
- Драч Г.В., Матяш Т.П. (под ред.) Культурология: краткий тематический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2001.
- Дробот Г.А. Глобальная миграция: факторы, последствия, регулирование, диаспоры // Социально-гуманитарные знания. М., 2012. № 2. С. 152–170.
- Карлов В.В. Фактор фрустрации в истории межэтнических конфликтов в России от начала XX века до наших дней / Власть, информационные технологии, массовое сознание: ос-

- новные тенденции современного политического развития / под ред. А.Ю. Полунова. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2017. С. 5.
- Колесникова Ю.Н., Алиханян Н.Г.* Проблемы образования и адаптации детей-мигрантов в Германии / Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантской молодежи к поликультурному образовательному пространству. Проблемы, поиски, решения. Материалы Третьей региональной научно-практической конференции в рамках III Международного научно-практического форума «Человек, семья и общество» / под ред. В.И. Петришев, Красноярск 17-18 ноября 2014. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 17-18 ноября 2014. С. 15–20.
- Макаров А.Я.* Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах // Социологические исследования. 2010b. № 8. С. 95–101.
- Макаров А.Я.* Социокультурная адаптация детей мигрантов в образовательной среде (на примере московского мегаполиса): диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. 22.00.04. М., 2010а. 209 с.
- Мартынова М.Ю.* Политика государств Европы в сфере защиты прав этнических меньшинств / Этнические проблемы и политика государств Европы / отв. ред. М.Ю. Мартынова, Н.Н. Грацианская. М., ИЭА РАН, 1998. С. 8–39.
- Мукомель В.И.* Адаптация и интеграция мигрантов // Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия / под ред. И.С. Иванова. В 3-х т. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1. Ч. 2. С. С. 695.
- Мукомель В.И.* Социокультурные аспекты интеграции / сегрегации иноэтничных мигрантов в российский социум / Миграционная политика России: Постсоветские контексты. М., 2005. С. 238.
- Омельченко Е.А.* Интеграция детей из семей иноэтничных мигрантов в российское общество: теория и практика в реалиях современной системы образования: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07 / Омельченко Елена Александровна; [Место защиты: ФГБУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук], 2019. 463 с.
- Проскуракова О.Л.* Адаптация мигрантов как социальный процесс // Вестник Омского государственного университета. 2007. № 4. С. 59.
- Рэдклифф-Браун А.Р.* Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Восточная литература, 2001. 304 с.
- Сухов А.Н., Трыканова С.А.* Миграция в Европе и ее последствия: учеб. пособие / 2-е изд., стереотип. М.: Флинта: МПСИ, 2011. С. 83.
- Тишков В.А., Степанов В.В., Барышина Н.А., Кульбачевская О.В., Мартыненко А.В., Мартынова Е.П., Мокин К.С., Подлесных О.Н., Савин И.С., Черных А.В.* Миграция и межнациональные отношения: ресурс государственно-общественного партнерства в России / ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. 340 с., 133 илл.
- Ушакова С.С.* Социокультурная адаптация этнических мигрантов и их детей в поликультурном пространстве мегаполиса (на материалах города Москвы) // Коммуникология, 2014. Том 4. № 2. С. 198.
- Якимов А.Н.* (автор и сост.), *Панич Б.Л.* (ред.) Адаптация и интеграция мигрантов. Сборник эффективных практик. Санкт-Петербург: «L-PRINT», 2018. 72 с.
- Berry J., Poortiga Y., Segall M., Dasen P.* Cross-cultural Psychology: Research and Applications / 2nd edition. Oxford University Press, Inc., 2002. P. 306.

*Kulbachevskaya, Olga V.**

Socio-cultural adaptation and integration of migrants in Russia: on the issue of intercultural interaction

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-52-4/136-152

The article examines conceptual approaches, practical steps, weaknesses and positive innovations in the implementation of the State Migration Policy and the State National Policy of the Russian Federation in relation to adaptation and integration of migrants. The article studies the nature of interaction between migrants and the host Russian society and its impact on adaptation and integration processes. It analyzes the perception of cultural differences among young people (based on the results of research done in schools and universities in Moscow). The majority of Russians are not inclined to actively interact with foreign-cultural migrants, which is an obstacle to successful integration of migrants. The potential for successful integration processes is observed in the educational environment.

Despite the fact that our country currently lacks full-fledged conditions for successful integration of migrants, positive changes have been taking place in the past few years. If earlier state institutions performed functions primarily for the social adaptation of migrants (administrative and legal aspect), now the authorities are increasing support for non-profit organizations that work on adaptation and integration of migrants into the host society; the best practices of the public sector, which has always understood the importance of implementing projects aimed at close interaction between migrants and the local community, are supported and disseminated.

Key words: *state migration policy, state national policy, adaptation and integration of migrants, intercultural interaction, stereotypes, perception of cultural differences among young people*

* **Kulbachevskaya, Olga V.** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninskiy prospect, 32a). E-mail: ola_kul@mail.ru

The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow)

References

- Arutyunyan, Yu.V. 2005. O potentsiale mezhetnicheskoi integratsii v moskovskom megapolise [On the potential of interethnic integration in the Moscow megalopolis]. *Sociological research* 1: 26–40.
- Berry J., Y. Poortiga, M. Segall, P. Dasen. 2002. *Cross-cultural Psychology: Research and Applications* / 2nd edition. Oxford University Press.
- Berry, J.W. 2001. Akkulturationsiya i psikhologicheskaya adaptatsiya [Acculturation and psychological adaptation: an overview of the problem]. *Personal development* 3–4: 189–192.
- Dmitriev, A.V., and G.A. Pyadukhov. 2006. Ethnicheskie gruppy trudyaschihsya migrantov v megapolise i primimayushee obschestvo: vzaimodeistvie, napryazhennost i konflikty [Ethnic groups of migrant workers and host society: interaction, tension, conflicts]. *Sociological research* 9: 94.
- Dmitriev, A.V., and G.A. Pyadukhov. 2013. Integratsiya trudovykh migrantov v megapolise: lokalnye modeli, context identichnosti (vetodologiya i metody issledovaniya) [Integration of labor migrants in the megalopolis: local models, identity context (methodology and research methods)]. *Sociological research* 5: 51.
- Drach, G.V., and T.P. Matyash. 2001. Kulturologiya: kratkiy tematicheskii slovar [Kulturology: a brief thematic dictionary]. Rostov n/D: Feniks.
- Drobot, G.A. 2012. Globalnaya migratsiya: factory, posledstviya, regulirovanie, diaspori [Global migration: factors, consequences, regulation, diasporas] *Social and humanitarian knowledge*. 2: 152–170. Moscow.
- Karlov, V.V. 2017. Faktor frustratsii v istorii mezhetnicheskikh konfliktov v Rossii ot nachala XX veka do nashikh dni [Factor of frustration in the history of interethnic conflicts in Russia from the beginning of the XX century to the present day]. In *Vlast', informatsionnye tekhnologii, massovoe soznanie: osnovnye tendentsii sovremennogo politicheskogo razvitiia* [Power, information technologies, mass consciousness: main trends of modern political development],

- ed. by A. Yu. Polunova, 5. Moscow: ARGAMAK-MEDIA.
- Kolesnikova, Yu.N. 2014. Problemy obrazovaniya i adaptatsii detei-migrantov v Germanii [Problems of education and adaptation of migrant children in Germany]. In *Sotsial'no-kul'turnaia adaptatsiia i integratsiia migrantskoi molodezhi k polikul'turnomu obrazovatel'nomu prostranstvu. Problemy, poiski, resheniia. Materialy Tret'ei regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii v ramkakh III Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma "Chelovek, sem'ia i obshchestvo"* [Socio-cultural adaptation and integration of migrant youth to a multicultural educational space. Problems, searches, solutions. Materials of the Third regional scientific and practical conference in the framework of the III International scientific and practical forum "Man, family and society"], 65. Krasnoyarsk.
- Makarov, A.Ya. 2010a. *Sociokulturnaya adaptatsia detei migrantov v obrazovatelnoi srede (na primere moskovskogo megapolisa)* [Socio-Cultural adaptation of migrant children in the educational environment (on the example of the Moscow metropolis)]: PhD diss. Moscow.
- Makarov, A.Ya. 2010b. Osobennosti ethnokulturnoi adaptatsii detei migrantov v moskovskikh shkolakh [Features of ethno-cultural adaptation of migrant children in Moscow schools] *Sociological research* 8: 95–101.
- Martynova, M.Yu. 1998. Politika gosudarst Evropy v sphere zaschity prav ethnicheskikh menshinstv [Policy of European States in the sphere of protection of the rights of ethnic minorities]. In *Etnicheskie problemy i politika gosudarstv Evropy* [Ethnic problems and politics of European States], edited by M. Yu. Martynova, N.N. Gratsianskaia, 8–39. Moscow: IEA RAS.
- Mukomel, V.I. 2005. Sociokulturnye aspekty integratsii / segregatsii inoethnichnykh migrantov v rossiiski sotsium [Sociocultural aspects of integration / segregation of non-ethnic migrants in the Russian society]. In *Migratsionnaia politika Rossii: Postsovetskie konteksty* [Migration policy of Russia: Post-Soviet contexts]. Moscow.
- Mukomel, V.I. 2013. Adaptatsiya i integratsiya migrantov [Adaptation and integration of migrants] In *Migratsiia v Rossii 2000–2012. Khrestomatiia* [Migration in Russia 2000-2012. The anthology], edited by I.S. Ivanov. In 3 volumes, Vol. 1, Ch. 2. Moscow: Spetskniga.
- Omelchenko, E.A. 2019. *Integratsiya detei iz semei inoethnichnykh migrantov v rossiiskoe obshchestvo: teoriya ii praktika v realiyakh sovremennoi sistemy obrazovaniya: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk: 07.00.07* [Integration of children from families of non-ethnic migrants into Russian society: theory and practice in the realities of the modern education system: dissertation ... doctor of historical Sciences: 07.00.07]. Moscow: Institute of Ethnology and anthropology RAS.
- Proskuryakova, O.L. 2007. Adaptatsiya migrantov kak socialnyi protsess [Adaptation of migrants as a social process]. *Bulletin of Omsk state University* 4: 59.
- Radcliffe-Brown, A.R. 2001. *Struktura i funktsia v primitivnom obshchestve. Ocherki i lektsii* [Structure and function in primitive society. Essays and lectures]. Moscow: Eastern literature.
- Sukhov, A.N., S.A. Trukhanov. 2011. *Migratsiya v Evrope ii ee posledstviya: ucheb. Posobie 2-e izd., stereotip* [Migration in Europe and its consequences : studies'. Stipend. 2nd edition, stereotype]. Moscow: Flinta; MPSI.
- Tishkov V.A., V.V. Stepanov, N.A. Baryshnaya, O.V. Kulbachevskaya, A.V. Martynenko, E.P. Martynova, K.S. Mokin, O.N. Podlesnykh, I.S. Savin, A.V. Chernykh. 2019. *Migratsiya i mezhnatsionalnye otnosheniya: resurs gosudarstvenno-oschestvennogo partnerstva v Rossii* [Migration and ethnic relations: a resource for state-public partnership in Russia], edited by V.A. Tishkov and V.V. Stepanov. Moscow: IEA RAS.
- Ushakova, S.S. 2014. Sotsiokulturnaya adaptatsia ethnicheskikh migrantov i ikh detei v polikulturnom prostranstve megapolisa (na materialakh goroda Moscvy) [Sociocultural adaptation of ethnic migrants and their children in the multicultural space of the megalopolis (based on the materials of the city of Moscow)]. *Kommunikologiya*, Vol. 4. No. 2.
- Yakimov, A.N. (author-compiler), and B.L. Panich (ed.). 2018. *Adaptatsia i integratsiya migrantov* [Adaptation and integration of migrants. Collection of effective practices]. Saint Petersburg: «L-PRINT».